

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ В КУЛЬТУРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ И ЗАРУБЕЖЬЯ

ФЕТИСОВА Лидия Евгеньевна,
канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).
Электронная почта: fetisova.lidie@yandex.ru

Ценностные ориентиры в традиционной культуре нивхов (по материалам устного творчества)

УДК 39(=571)

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/6-16>

*российский Дальний
Восток,
коренные народы,
нивхский социум,
культурная специфика,
духовные ценности,
традиционный
фольклор*

В статье осуществлён анализ ценностных установок, зафиксированных нивхским фольклором. Рассмотрены нематериальные ценности, имеющие общечеловеческую значимость, но сформированные средой обитания и этнокультурной спецификой одного из коренных дальневосточных народов. Это ценности, связанные с родственными отношениями, природным окружением, приоритетом традиционной культуры. Отмечена поэтизация любви как высокого чувства, что отличает нивхский фольклор от традиций тунгусо-маньчжурских народов. Показана трансформация ряда ценностных представлений под влиянием изменяющейся действительности.

Проблемы, связанные с изучением ценностей, составляющих основу мировоззренческих установок человеческого сообщества на разных исторических этапах, постоянно находятся в поле зрения исследователей [16]. Ценностные ориентиры отражают социальные, культурные и ментальные характеристики конкретного народа. Архаические представления о морали и нравственности сохранил фольклор традиционных обществ, к которым до недавнего времени принадлежали коренные народы российского Дальнего Востока. Статья посвящена системе ценностных установок, сложившихся в нивхском социуме и определявших поведение каждого представителя данного этноса.

По Переписи 2010 г. нивхов насчитывалось 4652 чел. Исследователи единодушно отмечают языковое и культурное своеобразие этих коренных жителей Амура-Сахалинского региона. В низовьях Амура они имели давние связи с тунгусо-маньчжурами, на Сахалине – с айнами, ороками (уйльта), японцами, позднее – с русскими. С каждым из этих народов нивхи находились в тесном хозяйственном и культурном взаимодействии. Несмотря на это, им удалось сохранить культурную автономию, что, по-видимому, в значительной степени было обусловлено спецификой языка-изолята.

Нивхской духовной культуре посвящён ряд диссертаций [6; 17; 19; 21], а также монографических исследований, как индивидуальных [1; 3; 9; 10], так и коллективных [2]. Большой

Для цитирования:
Фетисова Л. Е. Ценностные ориентиры в традиционной культуре нивхов (по материалам устного творчества) // Известия Восточного института. 2021. № 3. С. 6–16. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/6-16>

интерес представляют наблюдения кандидата филологических наук, нивхинки Г.А. Отаиной, изложенные в её отдельных статьях [11; 12; 13; 14]. Однако в целом специфика этнических ценностей, выделявших нивхов в иноэтническом окружении, не получила подробного освещения.

В число универсальных ценностей, рождённых первобытным социумом, входили жизненные установки, завещанные старшими поколениями. Считалось, что они получены от высших сил, а потому имеют силу закона. Свою задачу нивхи видели в поддержании традиционного образа жизни, основу которого составляли рыболовство, охота (на морского зверя и таёжная), собирательство. Мировоззренческая система и практическая обрядность нивхов базировались на почитании могущественных небожителей, а также духов-«хозяев» огня, воды, промысловых территорий и пр., которые обеспечивали успешность хозяйственной деятельности. В фольклоре нашли отражение различные аспекты взаимодействия нивхов с природным окружением.

Большое значение придавалось сохранению флоры и фауны на территории проживания. По справедливому замечанию Г.А. Отаиной, «нивхское общество, как и любое другое традиционное, выработало оптимальное в экологическом плане поведение» [14; с. 137], что заключалось в комплексности и сезонном чередовании занятий, в безотходном потреблении продуктов промысла. Строго запрещалось добывать рыбы и зверя больше необходимого. Неписанные правила экологического поведения были зафиксированы фольклором. В одном из нарративов говорится о результатах непродуманного поведения людей. Нивху, попавшему к «хозяину» моря, были показаны израненные рыбы, которых люди поймали, но не использовали. «Хозяин» предупредил, что в следующий раз он не пошлёт добычи рыбакам [14, с. 139]. Считалось, что промысловые неудачи, которые вызывали голод в нивхских селениях, были наказанием со стороны морского божества.

Нарушение установленного порядка вещей представлялось опасным для мироздания в целом, особенно когда это касалось судьбы водной стихии – «важнейшей промысловой сферы и пути сообщения нивхов» [15]. Герой нивхского мифа вознамерился осушить море, и тогда на небе появились два солнца, грозившие гибелью всему живому [15]. Таким образом, неразумное поведение мифологического персонажа вызвало катастрофу космического порядка. Трагедию предотвратил некий *Ууму нивх*, уничтоживший второе светило.

Нивхи не противопоставляли себя миру дикой природы, населённому не только животными, но и антропоморфными существами, представителями низшей демонологии. Согласно мифологии, с некоторыми из них в прошлом складывались достаточно добрососедские отношения, впоследствии испортившиеся по вине людей. Например, известны рассказы о «берущих людях», которых на Амуре называли *палонгу*, а на Сахалине – *генивгун* (*генивхи*). Они описывались как двупалые существа, имевшие голову конической формы, со спутанными волосами. *Генивхи* обитали в лесу и, подобно людям, занимались охотой и рыболовством. Их особенностью была склонность к попрошайничеству. В одном из текстов говорится о том, что человек, которому надоели постоянные просьбы *генивха*, однажды положил в его ладонь раскалённый уголёк. Обидевшись на людей, *генивхи* покинули эти места. По тексту можно понять, что рассказчик осуждает поведение человека [12, с. 60].

По другому мифу, добрые отношения связывали один из нивхских родов с морскими обитателями *чхарур*, занимавшимися, как и нивхи, охотой на нерпу. Пока люди находились на промысле, *чхарур* разрешалось пользоваться их чугунными котлами для варки нерпичьего мяса. Раздор произошёл из-за неправильного поведения амурской нивхинки, взятой в жёны сахалинским нивхом. Женщина не знала местных обычаев: ей не было известно, что *чхарур* смертельно боятся зайцев, считая их злыми духами. Когда в доме появился *чхарур*, женщина обернулась к нему, держа в руках колыбель, на которой висела голова зайца. Пришелец упал замертво от страха. С тех пор *чхарур* мстят людям, а нивхи, выходя за пределы селения, всегда имеют при себе клочок заячьей шкурки [9, с. 186–187]. Мифологический рассказ показывает, какое большое значение придавалось соблюдению существующих обычаев.

Архаическое мышление увязывало преступление с неотвратимостью наказания. Бережное отношение ко всему живому, с одной стороны, имело экологическую обусловленность, но с другой – было связано с закреплением нравственных установок, обязательных как для индивида, так и для общества в целом. Например, в детях воспитывали сочувствие перелётным птицам: *«Мать и отец говорили: “Перелётные птицы устали, не гони их. Они, голодные и усталые, садятся к нам отдохнуть”»* [8 с. 61].

Особенно строгому осуждению подвергалась немотивированная жестокость по отношению к представителям фауны. У нивхов бытовало большое число рассказов о наказании тех, кто истязал животных. В назидание молодым старики рассказывали о некоем юноше, который разделявал ещё живую добычу. *«Добыл он нерпу и привёз раненую, но ещё живую в стойбище, начал разделявать. Отец ему говорил: “Ты сперва убей, только потом разделявай”». А он, смеясь, взяла нож и разделал нерпу, а через месяц у него рука заболела, да так, что он ночами не спал и ничего не мог делать»* [7, с. 14].

Жертвами людей нередко становились грызуны – зайцы и крысы или амфибии – лягушки, жабы и др. Такое поведение было недопустимым ещё и потому, что архаическое сознание наделяло этих существ функцией посредников между мирами в многомерной структуре мироздания. В фольклорных сюжетах месть животных могла проявляться по-разному, в том числе в форме физического уничтожения насильника. *«Три женщины ягоду собирать отправились. Одна из подруг, как только присядут (они) отдохнуть, брала лягушку и мучила её, несмотря на то что подруги её отговаривали»*. Закончив собирать ягоду, подруги устроились на ночлег. Ночью они слышали, как лягушки квакали и шуршали. А утром обнаружили, что их подруга, *«костями белея, мёртвая (лежит). Лягушки съели её всю целиком за то, что она мучила их»* [8, с. 142]. Подобные рассказы предназначались прежде всего детям, и выразительные концовки должны были произвести желаемый эффект. Это было воспитание правильного поведения «от противного».

Другим направлением народной педагогики было воспитание на положительных примерах. Одним из главных достоинств человека считалось трудолюбие, без которого не мог вырасти достойный кормилец семьи, рода или умелая хозяйка дома. Мужчины ловили рыбу, охотились на таёжного и морского зверя, строили жилища и хозяй-

ственные помещения, изготавливали орудия промыслов, средства передвижения (лодки, нарты, лыжи) и всю домашнюю деревянную утварь. Женщины ухаживали за детьми, собирали ягоды, съедобные травы и корнеплоды, готовили еду, обрабатывали шкуры животных, изготавливали нитки из крапивы, вязали неводы и сети, шили одежду и обувь, делали берестяную посуду [3, с. 243–244].

Основные занятия героев фольклора соответствуют реальному распределению обязанностей в нивхской семье. Мужчина ходил на охоту и рыбалку: *«Какие бы лесные звери ни водились, всех их добывал. А когда река вскрывалась, спустившись (к реке), всякую рыбу – и сазанов, и калугу – добывал и птиц приносил...»*. Женщина эту добычу варила и заготавливала впрок [8, с. 3].

В сказке «Не родись ленивой» мать наставляет свою юную дочь: *«Когда меня не будет, ты старайся вспоминать про меня. И делай всё так, как я делала, помогай отцу. Отец рыбы наловит – старайся засушить много юколы на зиму, нарви побольше ягоды. А если отец на охоте зверя добудет, сними шкуру, обработай её и постарайся сшить торбаса, тапочки и шапку себе, да и отца не забывай одевать»* [7, с. 16]. Ленивая супруга, не желающая ничего делать по дому, могла быть возвращена родителям. Именно так поступил один нивх, удачливый охотник и рыбак. Через год он женился на девушке по имени *Клойгши*, красивой, весёлой и – главное – трудолюбивой [7, с. 32]. Говоря современным языком, лень супруги послужила основанием для развода.

Одной из главных ценностей в традиционном обществе являлись кровнородственные связи. Каждый член рода нес ответственность за остальных. Наиболее убедительно эти представления засвидетельствованы эпическим творчеством. Эпический герой, «человек Ыгмифа» (т.е. житель Сахалина), сирота, потерявший сестру и младшего брата, должен узнать об их судьбе. Достигнув зрелости, он отправляется в путь. Преодолев множество препятствий, герой попадает в Верхний мир, где освобождает сестёр-близнецов, содержащихся в «чудесном амбаре». Девушки становятся его жёнами. Бабочка-махаон, покровительница героя, помогает им вернуться на землю.

Однако юноша пока не выполнил своего предназначения – не освободил брата, которого похитил злой шаман, посадил в клетку и подверг мучениям. Об этом постоянно напоминают обитатели Среднего мира – птицы, звери, насекомые, растения:

*Человека Ыгмифа
В смех превратили:
«Хи-кик! Хи-кик!
Ка-как! Ка-как!» –
Смеются.
.....
И травы над ним смеются.
Всё, что вокруг родилось,
Смеются все, оказывается* [23, с. 354–355].

Герой вновь отправляется в путь и находит брата внутри двуглавой горы. С помощью помощников-небожителей он уничтожает врагов и освобождает не только брата, но и тех людей, которых когда-то

забрали людоеды-унъри. О сестре позаботилась прабабка – «хозяйка Чёрной со сдвоенным хвостом горы» [23, с. 317–320]. Как видим, эпическим творчеством зафиксировано убеждение, что исполнение закона кровной мести, установленного высшими силами, поддерживается не только человеческим сообществом, но всеми обитателями Среднего мира.

Забота родителей о будущем своих детей нашла отражение в ряде мифологических текстов, что указывает на древность этой жизненной установки. Так, стареющий отец, чтобы проверить охотничьи успехи сына, предстал перед ним в облике медведя. Молодой охотник заколол зверя копьём. Тут он услышал стон и узнал голос отца. Юноша заплакал, но отец сказал: «*Не плачь, я убедился, что ты стал настоящим охотником*» [2, с. 183]. В тексте явно заметны отголоски тотемизма, но информант объяснил превращение старика-отца тем, что тот надел медвежью шкуру. Возможно, этот комментарий предназначался для слушателя, не способного, по мнению рассказчика, правильно понять сакральный смысл нарратива.

Сочувствие к обездоленным – нравственная установка, входящая в число общечеловеческих ценностей. Мотив страдающих сирот имеет сравнительно позднее происхождение; он появился на этапе разрушения родовой организации, при которой существовала коллективная ответственность за каждого члена рода. Произведения о бедных сиротах насыщены реалистическими подробностями, но наряду с этим активно используют язык мифа. Как правило, герои получают избавление от бед не на земле, а в мире, недоступном для их притеснителей. Такова сказка о девочке-сиротке «Лебеди». Мачеха невзлюбила падчерицу. «*Никогда не кормила её. Не разговаривала. Даже не глядела!*» И однажды ударила голодную девочку ножом по руке, протянутой к пище. Истекая кровью, девочка замахала руками, превратилась в лебедя и присоединилась к стае, которая в это время пролетала над стойбищем [8, с. 61–64].

В другом тексте юноше-сироте, жившему вдвоём с овдовевшей матерью, приходит на помощь дочь хозяина воды, снабжая его рыбой и морскими животными. Между тем у матери героя имелась многочисленная родня. Её братья, которые должны были поддерживать племянника, регулярно брали юношу на рыбалку, но из богатого улова «*давали только две рыбины, лишнего не хотели давать, выбирали рыбу помельче и отдавали. А сами юколы заготавливали полные вешала*» [8, с. 66]. Стилистика повествования говорит об осуждении подобного поведения.

Действовавший закон коллективной ответственности за каждого члена рода способствовал сплочению сообщества при выполнении хозяйственных работ, а также перед лицом грозящей опасности. Наблюдения этнологов позволяют прийти к выводу о существовании у нивхов развитого коллективизма [22, с. XVI; 2, с. 182]. А.Г. Филимонов связывает эту особенность социальных отношений со спецификой трудовой деятельности этноса. Несмотря на то, что охота (индивидуальное занятие) занимала важное место в жизни нивхов, она уступала по значимости рыбному промыслу, организация которого требовала всеобщего участия, включая женщин и детей.

Хозяйственная деятельность носила сезонный характер и, кроме того, имела чёткую привязанность к определённым угодьям. У каж-

дого рода были свои места лова, за состоянием которых внимательно следили. По мнению А. Г. Филимонова, особенности хозяйственного быта нивхов требовали «высоко развитого коллективизма, делая всякого индивида частью общины гораздо в большей степени, чем это бывает обычно у охотников» [20, с. 82].

Об эффективности коллективных действий говорится в рассказе о том, как нивхский род, проживавший на реке Руи, расправился с гигантским медведем *милком* (злым духом). От его шагов дрожала земля. Медведь обмазал себя глиной, чтобы защититься от ударов копытами. Но люди оказались умнее зверя. *«Они к концу палок подвязали ветки с листьями, опускали это в воду и смачивали под мышками, чтобы размякла глина. А потом кололи под мышками. И когда там появилась кожа, кололи, кололи и убили его»* [8, с. 54–55]. Текст относится к жанру *тылгур*, т.е. рассматривается исполнителем как рассказ об истинном происшествии.

Имущественная дифференциация, сопутствовавшая разложению родового общества, оказала своё влияние на оценку богатства как важного условия жизненного благополучия. Однако это богатство должно быть заслуженным. Так, в нивхской версии промыслового мифа о спасённом звере тигр отблагодарил юношу «множеством пушинины». Дорогие меха несли шесть человек-тигров. *«На другой год герой, нагрузив три лодки пушинины, отвёз их на обмен к маньчжурам»* [9, с. 94]. Сюжет, по-видимому, пришёл из тунгусо-маньчжурского фольклора, где имел иную концовку: герой награждался охотничьей удачей, чтобы его семья не знала голода.

Определённое место в нивхском фольклоре занимали рассказы о чрезвычайных происшествиях, случившихся в быту, например, о нарушении норм брачного права (гиляк взял в жёны девушку, сосватанную другим [22, с. 84]). Часть сюжетов встречалась и у тунгусо-маньчжуров, но некоторые не были характерны для устной традиции тунгусоязычных народов. Прежде всего речь идёт о случаях суицида от невыносимой обиды или от любви, противоречащей брачным нормам сообщества.

Нивхи полагали, что люди могут иметь уважительные причины для добровольного ухода из жизни (издевательство со стороны окружающих, тяжёлая болезнь, несчастная любовь и пр.). В материалах Б.О. Пилсудского, полученных на рубеже XIX–XX вв., имеется текст, озаглавленный «Младшая жена повесилась». *«У одного нивха было две жены. Младшая жена всё время злилась, ревновала. [За это] муж её бил. Обозлившись на то, что её били, [она ушла]; взяла верёвку и повесилась»*. Огорчённый муж отправился на поиски и сумел оживить её [15, № 32]. Можно предположить, что супруг давал повод для недовольства жены и потому постарался загладить свою вину.

В случаях немотивированного самоубийства усматривалось воздействие злых сил. Уничтожение вредоносных, опасных для человека обитателей различных сфер мироздания считалось не только допустимым, но и необходимым деянием. Такой текст также был в своё время записан Б.О. Пилсудским – «Дерево, на котором все вешались»: *«Нивхская женщина, ни на кого не рассердившись, с хорошими мыслями пошла к этому дереву. Верёвку спрятав, унесла, привязала (к этому дереву) и повесилась. Ещё один мужчина, тоже ни на кого не рассердившись, которого люди вовсе не ругали, в хорошем уме, тоже*

пошёл и повесился. Много людей, половина деревни, все повесились на этом одном дереве...» Виновником всех бед посчитали большую белую крысу, прятавшуюся в стволе дерева; её убили. Несчастья прекратились после того, как дерево изрубили и сожгли [15, № 172]. В Амуро-Сахалинском регионе подобные сюжеты встречаются только у нивхов, что сближает их жизненные установки с японскими.

В нивхской песенной лирике имеется особый жанр – *валглу* (*алхтунд/алхтури*). Известно, что в прошлом молодые люди во время свидания исполняли друг другу песни собственного сочинения. В одной из таких песен девушка признаётся молодому человеку, как тоскует в разлуке с ним:

*Летающей птицей летела бы
Следом за тобой вдогонку,
Летающим листиком была бы,
Ветер кружил бы, ын-ына,
Да разве догнать мне тебя, ын-ына...* [11, с. 115].

В 1920-х гг. в нивхском селении на берегу Охотского моря Е.А. Крейнович записал лирическую песню-поэму о том, как девушка бросилась в погребальный костёр к любимому, чтобы сгореть вместе с ним и быть неразлучной хотя бы в загробном мире. «Заброшенное, полунищее село, – записал исследователь в своём дневнике. – И вдруг здесь, на краю земли, я встречаюсь с образом самой чистой, самой возвышенной любви» [3, с. 320].

Как правило, *валглу* (*алхтунд*) пелись в интимной обстановке, но могли исполняться и публично. Более того, наиболее удачные песни входили в общий репертуар, их повторяли своим избранныкам другие влюблённые. Любовная лирика тунгусоязычных народов также носила иносказательный характер, но она не предназначалась для посторонних и не выходила за пределы личного пространства молодых людей.

У нивхов существовали также песни о запретной любви, в которых выражалось явное сочувствие героям. Одна из таких песен посвящена любовной связи дяди и племянницы. Когда девушка узнала, что беременна (детей, родившихся у такой пары, убивали), она ушла в лес и повесилась. Её возлюбленный также покончил с собой, чтобы они могли соединиться в Нижнем мире [5].

По мотивам нивхских легенд о великой любви современный автор С.В. Лозовский, житель национального села Некрасовки, написал пьесу в стихах «Анлой». Демон безвременья *Анлой* подвергает испытаниям молодого охотника *Азмуна* и его возлюбленную *Лингук*:

*Любовь ворвалась к ним, пришла, сметая вековой запрет,
Лингук просватана была другому с самых детских лет...* [4, с. 5]

Искуситель *Анлой* обещает им счастье в «царстве вечности». Поддавшись уговорам, *Лингук* ступила в костёр и «попала в мир другой, откуда нет пути назад». Сто лет *Азмун* хранил любовь и ждал свою *Лингук*. Она пришла, чтобы позвать его за собой, но он опять отказался от бессмертия в мире *Анлоя*. Однако смерть не забрала мятежных героев: луч сияющей звезды указал им путь на небеса, где они

смогли навеки сохранить свою любовь. Как видим, автор критически переосмыслил брачные традиции нивхов и предложил своё решение проблемы.

Поэтизация любви как высокого чувства привела к изменению оценки прежних брачных норм в нивхском социуме; в фольклорных произведениях всё чаще стал встречаться мотив моногамного брака, основанного на любви:

*Ту женщину взяв, ввёл в дом.
Ох! Эта женщина!
Полюбил, оказывается [23, с. 403].*

«Муж так полюбил свою жену, что о второй жене даже и думать не хотел» [18, с. 17]. «Они жили очень дружно, всё делали вместе, у них родился сын, а затем и дочь. И они очень любили друг друга и своих детей» [7, с. 32].

Таким образом, в основе ценностных ориентиров нивхского этноса лежат базовые мировоззренческие нормативы, многие из которых являются общечеловеческими. Безусловно, традиционная система ценностей эволюционирует в ходе исторического развития под влиянием социально-экономических, политических, культурных факторов, однако такие категории нематериального порядка, как духовность и нравственность, менее подвержены трансформации, чем, например, нормы морали. Ценностные установки, связанные с родственными отношениями, защитой среды обитания, приоритетом традиционных занятий и духовной культуры, продолжают занимать прочные позиции в сознании народа, несмотря на то что не находят поддержки в новой действительности и даже вступают в противоречие с реальным поведением членов социума. В то же время нормы морали (в частности, касающиеся закона кровной мести, суицидального поведения, многожёнства и др.) могут измениться коренным образом, отвергая прежние постулаты.

Литература

1. Гонтмахер П.Я. Нивхи: этнографические тетради: философия, мифология, история, этнография, культура, искусство, народная медицина. Хабаровск: Изд-во Хабаровского государственного педагогического университета, 1999. 415 с.
2. История и культура нивхов: ист.-этногр. очерки / Отв. ред. В.А. Тураев. СПб.: Наука, 2008. 270 с.
3. Крейнович Е.А. Нивхгу: загадочные обитатели Сахалина и Амура. М.: Наука, Главная редакция вост. литературы, 1973. 493 с.
4. Лозовский С.В. Анлой. Пьеса в стихах. По мотивам нивхских легенд. Южно-Сахалинск: Изд-во «Сахалин – Приамурские ведомости», 2011. 24 с.
5. Мамчева Н.А. Кто такие нивхи (и о чём они поют). URL: www.arzamas.academy/mag/519-nivhi (дата обращения: 08.06.2021).
6. Мамчева Н.А. Музыкальные инструменты в системе традиционной культуры нивхов: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2010. 23 с.
7. Мувчик Л. Красавица из Выскво: нивхские народные сказки. Находка: Печатный салон ПМП, 2004. 44 с.
8. Нивхские мифы и сказки из архива Г. А. Отаиной / Отв. ред., автор предисловия и коммент. А. М. Певнов. М.: Энерджи Пресс, 2010. 160 с.
9. Островский А.Б. Мифология и верования нивхов. СПб.: Центр «Петербург-

ское Востоковедение», 1997. 288 с.

10. Островский А.Б. Религиозные верования нивхов. Южно-Сахалинск: Сахалинское кн. изд-во, 2005. 176 с.

11. Отаина Г.А. Нивхские народные песни // Этнография и фольклор народов Дальнего Востока СССР / Отв. ред. Н.К. Старкова. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1981. С. 110–124.

12. Отаина Г.А. Жанр тылгугов в нивхском фольклоре // Б.О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина: (Материалы Междунар. науч. конф., 31 октября – 2 ноября 1991 г.). Южно-Сахалинск: Сахалинский областной краеведческий музей, 1992. Т. 2. С. 59–66.

13. Отаина Г.А. Фольклор в народной педагогике нивхов // Семья и семейный быт в восточных регионах России / Отв. ред. Ю. В. Аргудяева. Владивосток: Дальнаука, 1997. С. 129–138.

14. Отаина Г.А. Экологическая ориентация нивхской культуры // Исторический опыт освоения восточных районов России: Тезисы докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. Ч. 1. Владивосток, 1993. С. 136–139.

15. Пилсудский Б. [О.] Фольклор сахалинских нивхов / Подготовка к публ. и коммент. А.Б. Островского. [Южно-Сахалинск]: Сахалинское кн. изд-во, 2003. URL: www.icrap.org/folklore_sachalinskich_nivhov-4-.html (дата обращения: 04.06.2021).

16. Ростовская Т.К. Ценностные ориентиры современной молодежи: особен-

ности и тенденции: монография. / Т.К. Ростовская, Т.Б. Калиев. М.: РУСАЙНС, 2019. 228 с.

17. Рудь Н.П. Функционирование мифологического сознания нивхов в ритуалах, музыкальном фольклоре и орнаменте. Конец XIX – начало XXI века: автореф. дис. ... канд. культурологии. Комсомольск-на-Амуре, 2003. 22 с.

18. Сестра: нивхская сказка. Южно-Сахалинск: ИП Тарасов А.В., 2010. 28 с.

19. Скоринов С.Н. История обрядовой культуры нивхов: середина XIX – 80-е годы XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1996. 30 с.

20. Филимонов А.Г. Влияние внешней среды и хозяйственной деятельности на восприятие реальности (по материалам традиционной нивхской культуры) // Этнос и культура в условиях общественных трансформаций / Отв. ред. В.А. Тураев. Владивосток: Дальнаука, 2004. С. 79–85.

21. Филимонов А.Г. Коллективные представления нивхского этноса: взаимодействие человека, социума и природы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2002. 28 с.

22. Штернберг Л.Я. Материалы по изучению гилацкого языка и фольклора. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1908. 254 с.

23. Ыгмиф налит во. Поселение бухты Чёрной земли. Эпос сахалинских нивхов / В.М. Санги. М.: ИП Смирнова М.А., 2013. 432 с.

Lidiya E. FETISOVA

Ph. D. (in Philology), Leading Research Fellow, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (Vladivostok, Russia).

E-mail: fetisova.lidie@yandex.ru

Value Orientations in the Traditional Culture of the Nivkhs (Based on the Folklore Materials)

UDC 39 (=571)

DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/6-16>

The article analyzes the spiritual-moral and moral-ethic values that are reflected in the traditional Nivkh folklore. Most of them have universal human significance, but they were shaped by the habitat and ethno-cultural specifics of the indigenous Far Eastern peoples. Good heroes of Nivkh folklore are an example of a correct lifestyle bequeathed by ancestors, while negative characters are always punished for their unseemly actions. Oral texts are used in folk pedagogical practice. The most important values are related to kinship, natural environment, and priority of traditional culture. The author emphasizes the frank poetization of sublime love, which distinguishes the Nivkh folklore from the traditions of the neighboring Tungus-Manchu peoples. The possible influence of Japanese culture on the assessment of the problem of suicide is noted. The study showed transformation of a number of value concepts under the influence of changing reality.

Russian Far East, indigenous peoples, the Nivkhs, cultural specifics, spiritual values, traditional folklore

For citation: Fetisova L. E. Value orientations in the traditional culture of the Nivkhs (based on the folklore materials) // Oriental Institute Journal. 2021. № 3. P. 6–16. DOI <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2021-3/6-16>

References

1. Gontmakher P.YA. Nivkhi: etnograficheskie tetradi: filosofiya, mifologiya, istoriya, ehtnografiya, kul'tura, iskusstvo, narodnaya meditsina. Khabarovsk: Izd-vo Khabarovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 1999. 415 s.
2. Istoriya i kul'tura nivkhov: ist.-ehtnogr. ocherki / Otv. red. V.A. Turaev. SPb.: Nauka, 2008. 270 s.
3. Krejnovich E.A. Nivkhgu: zagadochnye obitateli Sakhalina i Amura. M.: Nauka, Glavnaya redaktsiya vost. literatury, 1973. 493 s.
4. Lozovskij S.V. Anloj. P'esa v stikhakh. Po motivam nivkhsksikh legend. YUzhno-Sakhalinsk: Izd-vo «Sakhalin – Priamurskie vedomosti», 2011. 24 s.
5. Mamcheva N.A. Kto takie nivkhi (i o chyom oni poyut). URL: www.arzamas.academy/mag/519-nivhi (data obrashheniya: 08.06.2021).
6. Mamcheva N.A. Muzykal'nye instrumenty v sisteme traditsionnoj kul'tury nivkhov: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya. SPb., 2010. 23 s.
7. Muvchik L. Krasavitsa iz Vyskvo: nivkhskie narodnye skazki. Nakhodka: Pechatnyj salon PMP, 2004. 44 s.
8. Nivkhskie mify i skazki iz arkhiva G. A. Otainoj / Otv. red., avtor predisloviya i komment. A. M. Pevnov. M.: EHnerdzhii Press, 2010. 160 s.
9. Ostrovskij A.B. Mifologiya i verovaniya nivkhov. SPb.: TSentr «Peterburgskoe Vostokovedenie», 1997. 288 s.
10. Ostrovskij A.B. Religioznye verovaniya nivkhov. YUzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskoe kn. izd-vo, 2005. 176 s.
11. Otaina G.A. Nivkhskie narodnye pesni // Ehtnografiya i fol'klor narodov Dal'nego

- Vostoka SSSR / Otv. red. N.K. Starkova. Vladivostok: DVNTS AN SSSR, 1981. S. 110–124.
12. Otaina G.A. Zhanr tylgurov v nivkhskom fol'klоре // B.O. Pilsudskij – issledovatel' narodov Sakhalina: (Materialy Mezhdunar. nauch. konf., 31 oktyabrya – 2 noyabrya 1991 g.). YUzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskij oblastnoj kraevedcheskij muzej, 1992. T. 2. S. 59–66.
13. Otaina G.A. Fol'klор v narodnoj pedagogike nivkhov // Sem'ya i semejnij byt v vostochnykh regionakh Rossii / Otv. red. YU. V. Argudyaeva. Vladivostok: Dal'nauka, 1997. S. 129–138.
14. Otaina G.A. EHkologicheskaya orientatsiya nivkhskoj kul'tury // Istoricheskij opyt osvoeniya vostochnykh rajonov Rossii: Tezisy dokl. i soobshh. Mezhdunar. nauch. konf. CH. 1. Vladivostok, 1993. S. 136–139.
15. Pilsudskij B. [O.] Fol'klор sakhalinskikh nivkhov / Podgotovka k publ. i komment. A.B. Ostrovskogo. [YUzhno-Sakhalinsk]: Sakhalinskoe kn. izd-vo, 2003. URL: www.icrap.org/folklore_sachalinskich_nivhov-4.html (data obrashheniya: 04.06.2021).
16. Rostovskaya T.K. TSennostnye orientiry sovremennoj molodyozhi: osobennosti i tendentsii: monografiya. / T.K. Rostovskaya, T.B. Kaliev. M.: RUSAJNS, 2019. 228 s.
17. Rud' N.P. Funktsionirovanie mifologicheskogo soznaniya nivkhov v ritualakh, muzykal'nom fol'klоре i ornamente. Konets XIX – nachalo XXI veka: avtoref. dis. ... kand. kul'turologii. Komsomol'sk-na-Amure, 2003. 22 s.
18. Sestra: nivkhsкая skazka. YUzhno-Sakhalinsk: IP Tarasov A.V., 2010. 28 s.
19. Skorinov S.N. Istoriya obryadovoj kul'tury nivkhov: seredina XIX – 80-e gody XX vv.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Vladivostok, 1996. 30 s.
20. Filimonov A.G. Vliyanie vneshnej sredy i khozyajstvennoj deyatelnosti na vospriyatие real'nosti (po materialam traditsionnoj nivkhskoj kul'tury) // EHtnos i kul'tura v usloviyakh obshhestvennykh transformatsij / Otv. red. V.A. Turaev. Vladivostok: Dal'nauka, 2004. S. 79–85.
21. Filimonov A.G. Kollektivnye predstavleniya nivkhsкого ehtnosa: vzaimodejstvie cheloveka, sotsiuma i prirody: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Vladivostok, 2002. 28 s.
22. SHternberg L.YA. Materialy po izucheniyu gilyatskogo yazyka i fol'klора. T. 1. CH. 1. SPb., 1908. 254 s.
23. Ygmif nalit vo. Poselenie bukhty CHyornoj zemli. EHpos sakhalinskikh nivkhov / V.M. Sangi. M.: IP Smirnova M.A., 2013. 432 s.